

М. В. Еремина (Минц)

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В «ОПИСАНИИ РОССИИ» АТ-ТАНТАВИ

Гендерные исследования составляют важную сферу истории национальных культур. Одним из аспектов этих исследований является кросскультурный: именно на границе разных культурных сознаний и традиций наиболее ясно проступают различия гендерного слоя той или иной культуры. Взгляд египетского путешественника и ученого ат-Тантави, автора трактата «Описание России»¹ (1850), на русских женщин и будет предметом изучения в данной статье. Автор говорит о русских женщинах спонтанно, инкорпорируя эти мысли в повествование о социокультурном облике российской жизни. Женщины становятся героинями стихов и прозы, двух принципиально разных стилевых и смысловых пластов «Описания России». Об их социальном статусе иногда остается только догадываться по контексту: по пути в Петербург к месту службы, а также в приватной жизни в российской столице ат-Тантави встречал женщин разных сословий. Он присутствовал на балах у императора и посещал учебные заведения для благородных девиц. Встречаясь с сановниками и коллегами по университету у них дома, ат-Тантави мог наблюдать женщин образованных сословий в их семейной жизни.

Судьбы русских женщин отличались от судеб женщин Востока. Традиционно в России простая женщина не только несла на себе все заботы о доме и детях, но и трудилась в поле. Писатель и журналист Вас. И. Немирович-Данченко в конце позапрошлого столетия сделал характерное описание русской женщины: «И всюду по окраинам, куда только ни взглянешь, — всюду она, эта вечная труженица земли русской, наша женщина — является и сильной, и способной, и энергичной» [3, с. 654]. В XIII в. татаро-монгольское иго принесло в русскую семью не только нужду и голод, но и особый взгляд на женщину. Интересно, что черты, приписываемые немусульманскими авторами исламу (см., например, [4, с. 42–51]), а именно подчиненное положение мусульманок по отношению к мужчинам, не всегда можно увидеть на Востоке, но они ярко проявились у нас в России после татаро-монгольского нашествия. По словам С. С. Шашкова, в период Московии «женщину настойчиво и решительно удаляли из общественной жизни и запирали в тереме. На нее смотрели, как на существо ниже мужчины, ее ставили в полную зависимость от семейной власти, ее делали служанкой и рабыней семьи и орудием, служащим для продолжения рода» [5, с. 92].

На Востоке в период средневековья уже всецело господствовал ислам, уничтоживший большинство пережитков бедуинского прошлого, в том числе и уничижительное отношение к слабому полу. Коран поставил женщину наравне с мужчиной, а первых

Еремина (Минц) Мария Владимировна — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mady1@yandex.ru

¹ Полное название труда — «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую». В России существует две рукописи, «ленинградская» (№ 47) и «стамбульская» (№ 49 [1]), находятся они в фонде И. Ю. Крачковского в РНБ в Санкт-Петербурге. Мухаммад 'Иса Салахия перепечатал текст с оригинала рукописи, хранившейся в Стамбуле, и издал его в 1992 г. [2]. В данной статье используется перевод «стамбульской» рукописи, сверенный с печатным вариантом. Перевод выполнен автором статьи.

женщин-мусульманок, например, Хадиджу или Фатиму, почитают и обожают не меньше, чем праведных халифов. Мусульманские богословы так определяют роль и положение женщины в исламе: «Это особое создание Господа, требующее чуткого, сострадательного обращения, уважения и понимания» [6, с. 13]; «Исламом созданы все условия для того, чтобы уважение к женщинам было возведено на должное положение с тем, чтобы они смогли сохранить свое женское обаяние, во всей полноте выполняя только свойственные им обязанности» [7, с. 229], а «воспитание женщинами детей, прочность семьи важнее зарабатывания ими денег за пределами дома» [7, с. 230]. Вас. И. Немирович-Данченко сравнивает положение женщин в России и на Востоке: «Турок, мусульманин никогда не бьет жену... Она не видит там беспросыпного пьянства» [3, с. 657]. Как видим, при всем отличии этических норм от реальной жизни, соотношение России и Востока в сфере положения женщины отнюдь не простое.

Ат-Тантави описывает несчастную судьбу русской женщины в допетровский период, сочувствует ей и соглашается с тем, что положение нужно было менять. «Огромные усилия прилагались для того, чтобы упростить отношения между мужчинами и женщинами. Ситуация была уже не такой, как во времена царя Алексея Михайловича, когда женщины ограничивались в общении узким кругом знакомств, и вообще им уделялось очень мало внимания. Они были привязаны к дому своего отца или мужа, жили в тоске и печали в четырех стенах. Они должны были полностью повиноваться и слушаться мужей и выполнять рутинную работу по дому. Их желания и воля никогда не учитывались и не влияли на их быт. Для того, чтобы выдать женщину замуж, мужчинам было достаточно лишь упомянуть в разговоре намерение о свадьбе. Замужняя женщина должна была общаться только со своим мужем. Она должна была во всем ему потакать, разговаривать с ним, гулять только с ним или же в компании других женщин. Такие различия в отношении между полами не соответствовали современной цивилизации. Постепенно Петр пришел к пониманию того, что это было большим бременем, и он решил избавиться от этих предрассудков. И 26 сентября 1718 года издал указ об учреждении тайных обществ для посещения мужчин и женщин. И как писалось в самом указе, целью такого общества было сближение людей, стирание барьеров» [1, с. 124–125]. Речь идет об ассамблеях, созданных по указу Петра I. Для улучшения условий замужества Петр I «запретил специальными указами (1700, 1702 и 1724 гг.) насильственную выдачу замуж и женитьбу» [8]. По словам С. С. Шашкова, была заложена основа новых взаимоотношений в семье. «Семейная реформа еще при жизни Петра пустила самые прочные корни в русскую почву, а провозглашенный ею принцип женской свободы постепенно развивался и осуществлялся в последующее время, особенно в царствование четырех императриц, но этому постепенному улучшению женского быта всегда противодействовали те начала, которые в XVI и XVII столетиях довели русскую женщину до такого безгласного и жалкого положения» [5, с. 194–195].

Шейх ат-Тантави отмечает изменившиеся нормы поведения мужчин: «Обычай организовывать танцы появился в России в эпоху Петра Великого. В ту пору в России были приняты европейские законы, правила приличия и хороших манер, в том числе и при общении мужчины с женщиной. Так, в общении с женщиной мужчина не мог себе позволить много из того, что допустимо в общении с другими мужчинами. В итоге эти манеры стали нормой. Теперь мужчина в общении с женщиной мог только украдкой смотреть на нее, дабы не возбуждать похоть. Из Европы в Россию было привнесено много других полезных вещей: нормы этикета, литература и т. д.»

[1, с. 177]. В XVIII в. в России появились бал и маскарад как организационные формы общественной и светской жизни. Здесь женщина наравне с мужчиной принимала участие во всех действиях, что, по словам некоторых исследователей, приводило к распущенности. «Легкость общественных нравов давала тон и направление всей общественной жизни. Волокитство, семейные ссоры из-за супружеской неверности, бегство жен с любовниками, увоз девушек, скандалы, порожденные ревностью, — все это сделалось одним из интереснейших предметов, занимавших общественное мнение и дававших нескончаемую работу языкам сплетников» [5, с. 210]. Подобный негатив совершенно отсутствует в исторической части «Описания России». Ат-Тантави далек от принципов либеральной мысли. Если в тексте и встречается некая укоризна, то сделано это с иных позиций.

Шейх ат-Тантави поэтично описывает красоту многих девушек, встреченных в Петербурге или на пути туда. Поэтические фрагменты составляют своеобразный фон для спокойных прозаических описаний. Они эмоциональны, подчинены стилевой традиции, застывшим канонам и поэтическому воображению, абстрагированы от социально-исторического контекста. Тяготение к прекрасному, к красоте не может не влиять на все, что написано им о русской женщине. Это совершенно не похоже на острый и весьма прозаический взгляд современника ат-Тантави маркиза Астольфа де Кюстина, который чуть раньше самого шейха написал книгу «Россия в 1839 году»: «Некоторые из придворных дам по праву слывут красавицами, — но число таких невелико; другие же пользуются этой славой незаслуженно, благодаря своему кокетству, суетливости и ухищрениям» [9, с. 185]. «Женщины из народа не так хороши; на улице их немного, а те, кто мне попадались, малопривлекательны; вид у них забитый <...> У простолюдинок тяжелая поступь; ноги их обуты в уродливые сапоги грубой кожи; и лица, и стан лишены изящества; даже у молодых землистый цвет лица, особенно бросающийся в глаза на фоне свежих лиц мужчин» [9, с. 134–135]. Ат-Тантави нигде не говорит о малопривлекательности русских женщин.

Первый культурный шок, связанный с положением женщин в России, ат-Тантави ощутил в ресторане Одессы: «И иногда в эти места приходят прекрасные женщины, что не запрещено законами. Меня поразил их прекрасный вид <...> И где же в Египте можно найти образ таких женщин, когда все лица спрятаны от взора? Ведь это (открытие лица. — М. Е.) запрещается законом и порицается мужчинами» [1, с. 36]. Здесь мы чувствуем ноты сожаления: ведь ислам запрещает женщинам открывать свои лица перед чужими мужчинами и лишает последних удовольствия видеть прекрасное. Точнее, эта прерогатива перенесена исключительно в семейную сферу. Женщина исключена из общественной жизни мужчин. Интересно обратиться к опыту путешественников, которые побывали на Востоке. Известный врач и путешественник А. А. Рафалович в 1846–1847 гг., исследуя Нижний Египет, не мог не обратить внимания на местных девушек и женщин, которые поразили его «своим чистым древнеегипетским типом» [10, с. 17]. Он указывал на то, что «египтянки, особенно низших сословий, весьма рано стареют и дурнеют, преимущественно вследствие изнурительных работ при скудной пище, слишком раннего вступления в брак, и частых родов» [10, с. 49]. А. С. Норов, путешествовавший по Египту в 1834–1836 гг., сделал акцент на том, что в Египте женщины пользовались большей свободой, чем в других местах Востока, а «самые знатные дамы, но только жены, а не невольницы, часто прогуливаются по улицам и даже за городом на ослах и лошадках, предводимых домашним саисом» [11, с. 126]. Английский

исследователь Эдвард Лэйн прожил в Египте более десяти лет и в сравнении с другими упоминаемыми нами путешественниками имел самый продолжительный опыт пребывания там, свое личное отношение к египтянкам он выразил так: «Хорошо сложенные женщины встречаются в Египте довольно часто, красивые лица — сравнительно редко. Однако мне приходилось видеть удивительные, по-особому прекрасные лица, наделенные таким сладостно-нежным выражением, что они казались мне образцами совершенной женской прелести, подобных которым невозможно встретить ни в одной другой стране» [12, с. 77]. Ат-Тантави впоследствии привез себе жену из Египта и не забывал образ женщин из родных краев.

Ат-Тантави прибыл в Россию как раз в те годы, когда сюда стали активно проникать идеи эмансипации, воплощенные наиболее притягательно в личности и романах Жорж Санд. По мысли С. С. Шашкова, процесс получил два направления: с одной стороны, «русская мысль начала самостоятельно работать над женским вопросом и поставила его в связи с другими общественными вопросами» [5, с. 278], а «умственное движение 40-х годов, выдвинувшее Станкевича, Герцена, Белинского, Грановского, должно было неизбежно коснуться и женщины» [5, с. 279]. С другой — «наше грубое невежество и азиатская барственность общественного быта, основанного на крепостничестве, были причиною того, что чистая идея свободы чувства при первых опытах ее акклиматизации на русской почве дала нехорошие плоды <...> Мужчины начали безобразничать по моде; от них не отставали и барыни <...> Щегольство вольностью нрава и либеральными фразами сделалось своего рода эпидемией» [5, с. 271–272].

Восприятие шейхом русских женщин граничило с обожанием, он почти не замечал развращенности и «распущенности нравов, бывшей естественной реакцией рабству и лицемерию патриархального быта» [5, с. 214]. Современник и соотечественник ат-Тантави, посетивший Париж ат-Тахтави, обратившись к самому источнику новых веяний в российской жизни, в отличие от нашего автора, иронически говорит о женщинах: «Говорят: “Париж — рай для женщин, чистилище для мужчин и ад для лошадей”. Потому что женщины здесь благоденствуют благодаря их деньгам или красоте, а мужчины — рабы женщин, либо богатых, либо красивых» [13, с. 52]. Как видим, не все соотечественники ат-Тантави были настроены столь нескритически и даже несколько благостно по отношению к чужой культуре, как он сам.

Ат-Тантави волновали и вопросы женского образования, он посетил несколько учебных заведений в разных городах и особое внимание уделял именно обучению девочек. «А за городом [Одессой] также находится прекрасная школа, в которой учатся девушки. И изучают они там языки, такие, как французский, русский, немецкий, а также шитье, ткачество и другие предметы. И я отправился посмотреть на эту школу <...> Европейские женщины и их дочери обучаются таким манерам, как правильное сидение, кроме того, им необходимо обучаться [другим манерам], таким, как умение дам и девушек общаться, воспитанно сидеть [за столом], соблюдать этикет в общении с мужчинами. Ведь общение с мужчинами отличается от общения с женщинами по своей сути, так как оно требует [от женщины] большей утонченности в речи» [1, с. 32–33]. Прибыв из страны, где в образовании для женщин не видели необходимости, египтянин поражался глубоким знаниям русских девочек: «В библиотеках и маленьких школах девочки обучаются вместе с мальчиками. Там они изучают грамматику, логику, математику, литературу, географию, историю, языки, танцы, рисование и музыку. Для девочек преподаются также шитье, ткацкое дело и рукоделие. Я не раз присутствовал

на зачетах, которые сдавали мальчики и девочки. Меня поразили их грамотные ответы на вопросы экзаменатора. Девочки оказались мне настоящими знатоками. С такими знаниями они обычно и осваиваются в жизни, особенно если их родственники бедные. Получившая образование девочка учит детей взрослых с особым старанием, присущим ей. Возможно, этим она помогает своим [бедным] родственникам» [1, с. 186]. Здесь есть только намек на трагедию бедных гувернанток, которых С. С. Шашков относил к «женскому пролетариату» [5, с. 290]. Но и само женское образование, столь поразившее ат-Тантави, таило в себе массу противоречий. Тот же С. С. Шашков писал: «Об умственном развитии барышень почти вовсе не заботились, а хлопотали только о развитии их вкуса и “изящного сердца” <...> Девушек держали взаперти, как арестантов в остроге, и отнимали у них всякую возможность для знакомства с действительной жизнью» [5, с. 225]. По словам Ю. М. Лотмана, «уровень обучения зачастую оказывался весьма невысоким. Систематически учили лишь языку и танцам» [14, с. 86]. Для ат-Тантави даже такой уровень обучения девочек казался высоким, поскольку в Египте того времени девочки либо вообще были лишены возможности учиться, либо их обучали только религиозным основам. К концу XVIII в. насчитывалось несколько десятков женских учебных заведений в Петербурге, около десяти в Москве и ряд в провинции. Основную массу составляли учебные заведения для девушек дворянского происхождения, но «существовало “Училище для малолетних девушек” недворянского происхождения, которых готовили для ролей будущих учительниц и воспитательниц» [14, с. 78]. Именно о последних рассказывает ат-Тантави в приведенном фрагменте.

Шейх, приехавший из мусульманского Египта, поражался свободе женщин в общении с мужчинами, в поведении на улицах и дома, и это несмотря на то, что, по словам А. С. Норова, женщины в Египте могли вести себя более свободно, чем в других местах Востока [11, с. 126]. Тем не менее, на родине шейха женщины не могли гулять по улицам без сопровождения, не могли танцевать или петь в обществе других мужчин, а дома или в мечети для них всегда выделялось особое помещение. Э. Лэйн пишет об их времяпрепровождении: «Главное занятие египтянок — забота о детях. Кроме того, они ведут домашние дела, но в большинстве случаев расходами по хозяйству ведает только муж. Свободное время они проводят в основном за рукоделием, вышивая цветным шелком платки, покрывала и пр. на пальяцах <...> Часто целый день проходит в том, что женщины из разных гаремов ходят друг к другу в гости, развлекаясь едой, курением, питьем кофе и шербета и болтовней, показывают друг другу свои туалеты и украшения» [12, с. 176]. В России подобное «гаремное»-«теремное» заточение кануло в лету к моменту приезда ат-Тантави.

В Могилеве шейх увидел молодых девушек, которые играли на музыкальных инструментах, пели и танцевали: «...затем я увидел еще несколько женщин, которые играли на инструментах и танцевали, и никто их за это не порицал. И это довольно обычно для этой страны. И иногда женщины танцуют в паре с мужчинами, поскольку танец мужчины с незнакомой женщиной не является здесь чем-то предосудительным, если не проявляются какие-либо чувства. Здесь это считается нормой вежливости и приличия. Таким образом, время протекает в радости и счастье» [1, с. 48–49]. Ат-Тантави нравилась традиция, когда мужчины танцуют с женщинами. Повествовал он и о бале-маскараде, на котором было принято носить маски и костюмы, что упрощало знакомство: «Так как кавалеры не знают, с кем они общаются, они говорят следующее: “Я вас знаю” и подходят к даме, равно как и они (дамы. — М. Е.) подходят к кавалеру.

Возможно, именно таким способом было принято знакомиться с важными людьми. Иногда встречались совсем нескромные дамы. Когда я впервые увидел это мероприятие, мне вспомнился Египет. Там тоже женщины ходят с закрытыми лицами, однако, не в масках» [1, с. 181]. Весьма занимательно это незавершенное сравнение маски и никаба (или паранджи). Эти символы весьма значимы для культур Запада и Востока. Если маска вносит в жизнь игровое начало и некую вольность, временное отдаление от собственной идентичности, то никаб и паранджа символизируют постоянное положение женщины, закрытость ее личностной сути для общества, своеобразную тайну, которой она всегда окутана для чужих.

Шейх уделил внимание и положению женщин дома. На родине ат-Тантави женщины на всецело зависела от своего мужа, отца или брата и могла свободно вести себя только в своей половине дома или в одиночестве, в России того периода женщина поднялась на одну ступеньку выше, а дома встала почти вровень с мужчинами. Ат-Тантави так описывал это положение: «Если гость приходит и не застаёт дома хозяина, его может принять хозяйка, которая будет сидеть с гостем, дожидаясь прихода мужа. И гость ей обычно знаком. В таком правиле нет ничего зазорного. Женщины в доме главные, они занимаются всеми домашними вопросами и прекрасно знают знакомых мужа. Женщинам за столом отводится главное место, им первым подают еду. Уступают им также и в церкви, и на балу. Мужчина может протянуть руку женщине, чтобы помочь ей пройти путь или подняться на ступеньку, и они (женщины. — М. Е.) принимают эту руку. Иногда такие манеры встречаются и во дворце: на входе офицеры и вельможи подают руку дамам, чтобы показать свою учтивость и мягкость» [1, с. 191]. Такое положение вещей проникло в Россию из Европы. Ат-Тахтави, например, писал о Париже: «Женщина в собраниях всегда более уважаема, нежели мужчина. Приходя в дом своего друга, мужчина должен вначале приветствовать хозяйку дома и лишь потом хозяина, черед которого, сколь бы высокое место в обществе он ни занимал, наступает после жены или женщин дома» [13, с. 86]. Такие манеры поражали обоих египтян, но оба отмечали их достоинство и правильность.

От внимания авторов путевых заметок (арабского жанра «рихла») редко ускользает тема женщин и их положения в обществе, т. е. яркий показатель специфики данной культуры. Ат-Тантави в своем труде не только восхищался красотой русских женщин, но с интересом отзывался об их внутренней и внешней открытости и свободе, что в его глазах поднимало русских женщин над его соотечественницами. Ат-Тантави не касался глубоких противоречий, которые внесло в быт и нравственный облик русской женщины конфликтное взаимодействие новых европейских веяний и традиционной морали. Его почти полное игнорирование остроты социальных контрастов в отношении к женщинам разных сословий отражало, возможно, иную социальную иерархию женского мира на Востоке. Замкнутость жизни восточных женщин привела к некоторой неопределенности в восприятии их статуса по сравнению с восточными мужчинами. Скорее всего, ат-Тантави по инерции продолжал условно воспринимать женщин как некое совершенно отдельное «сословие». Влияние на него просветительских идей равенства относительно. Его почтительно-восхищенное отношение к русской женщине во многом определяется именно родной культурой. Достижения западного и российского общества в сфере эмансипации приветствуются им избирательно и касаются лишь некоторых наглядных моментов общественного и приватного быта.

Литература

1. *Шейх ат-Тантави*. Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую // ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 49.

2. Путешествие шейха Ат-Тантави в страну Российскую 1840–1850 гг. («Подарок смышленным с сообщениями про страну Российскую»). Перепечатано и отредактировано Мухаммадом 'Иса Салахия, Амман, издательство «Дар Аль-Башир». Бейрут: Ар-Рисаля, 1992. 264 с.

رحلة الشيخ الطنطاوي إلى البلاد الروسية 1840م – 1850م المسماة بـ"تحفة الأذكىء بأخبار بلاد روسيا". تقديم وتحرير محمد عيسى صالحية. عمان، دار البشير للنشر. بيروت، مؤسسة الرسالة، 1992.

Rihlatu al-Sheikh al-Taṭāwī ila al-Bilād al-Rūsia 1840 m — 1850 m al-Musammāt bi “Tuḥfat al-’Adhkiā’ bi ’Akhbār Bilād al-Rūsia”. Taqdim wa Taḥrīr Muḥammad ‘Isa Sālahiya. ‘Ammān, Dār al-Bashir li al-Nashr. Beirūt, Mu’assasa al-Risāla, 1992. 264 s.

3. *Немирович-Данченко Вас. И.* «Дома». Русские женщины // Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. М.: Кураре-Н, 1998. С. 641–688.

4. *Соколова И. А.* Гендерные аспекты христианства и ислама. Хабаровск: ДВГУПС, 2008. 103 с.

5. *Шашков С. С.* История русской женщины. СПб., 1879. 352 с.

6. *Эрсан О.* Женщина в исламе. М.: Сад, 2007. 175 с.

7. *Мухаммад Садик, Муххамад Йусуф.* Права человека в Исламе. М.; СПб.: Диля, 2008. 274 с.

8. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX века). М., 1997. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/life/jfw/oman/5/htm7> (дата обращения: 10.09.2012).

9. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. СПб.: Крига, 2008. 701 с.

10. *Рафалович А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850. 433 с.

11. *Норов А. С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., Авраама Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. СПб., 1840. 378 с.

12. *Лейн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М.: Наука, 1982. 436 с.

13. *Ат-Тантави Р.Р.* Извлечения чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука, 2009. 269 с.

14. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. 412 с.

Статья поступила в редакцию 10 января 2013 г.